

НАТАЛЬЯ
ОРБЕНИНА

интриги, тайны и любовь

ТРИ
КНЯГИНИ

Наталия Орбенина

Три княгини

«ЭКСМО»

2002

Орбенина Н.

Три княгини / Н. Орбенина — «Эксмо», 2002

Коллежский советник Владимир Роев оказался в глупейшем для благородного человека положении. От него сбежала обожаемая им жена. Собственно, так твердила молва. Полиция придерживалась менее романтичной версии. Похоже, молодая женщина стала жертвой мошенников и убийц. Минул целый год, прежде чем Наденьку наконец нашли застреленной в глубоком овраге. Но что делала Надежда Васильевна одна на пустынной лесной дороге? В маленькой сумочке обнаружилась бумажка с расплывшимся едва различимым текстом. Может, именно этим письмом Роеву заманили на место убийства? Кто? Евгений Верховский, Надин любовник? Но зачем, если он боготворил ее?..Ранее роман «Три княгини» выходил под названием «Белый шиповник»

© Орбенина Н., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Наталья Орбенина

Три княгини

Белый шиповник, страсти виновник...
Современный романс

Часть первая

Глава 1

Господин Роев Владимир Иванович, потомственный дворянин, коллежский советник, преуспевающий чиновник министерства финансов, состоятельный и благополучный отец семейства, оказался в глупейшем для благородного человека положении. От него сбежала жена. Собственно, так считала молва. Полиция придерживалась менее романтической версии. Похоже, с молодой женщиной случилось несчастье, она подверглась насилию, а может, стала жертвой мошенников или убийц. Сам же злополучный муж полагал, будто ненаглядная его супруга Надежда Васильевна переживает сложный период своей жизни, переосмысливает их отношения, пытается понять саму себя. А для этого человеку необходимо одиночество. Она просто забилась в шелку, как мышонок, а когда успокоится, то вынырнет на свет Божий и вернется в большой и теплый дом, где ее все так любили. Он убежден был в своей точке зрения с самого первого дня, когда хватились беглянки.

– Она вернется, я уверен, это нервный срыв, она вернется! – убеждал он себя и рыдающую тещу, Катерину Андреевну.

– Нет, Вольдемар, на этот раз ты ее не вернешь! Я уверена, что теперь Надя покинула нас навсегда, чтобы связать свою жизнь с этим сластолюбцем, развратником Верховским!

Катерина Андреевна заплакала сильнее, и по ее прекрасному, нестарющему лицу потом полились слезы. При упоминании ненавистного имени Владимир Иванович побледнел от ярости и унижения. Взор его метнулся в сторону кабинета, где в запечатом ящичке хранился пистолет. Теща, поймав этот взгляд, воскликнула:

– Ты что задумал, негодник! У тебя же сын растет! Хоть ты помни о ребенке, если у родной матери ум за разум зашел. Бросила мальчика, семью на своего любовника променяла!

Нет, слушать эти стенания было совершенно невыносимо. Но и сидеть сложа руки тоже невозможно. Надобно искать. Тем более что однажды, на заре их брака, он уже искал ее и вырывал из цепких объятий соперника. Тогда Господь услышал его страстные мольбы, может, смилуется и теперь?

Однако время шло, все поиски и усилия не давали результатов. Все тщетно, никаких следов. В бесплодных усилиях минул год. Роев постарел и осунулся. Он вышел в отставку и поставил крест на своей такой удачной карьере. Надежда найти жену не покидала его, хотя вера в благополучный исход постепенно иссякала. Самыми сложными для его истерзанной души стали разговоры с маленьким сынишкой Васенькой, который ждал маменьку каждую минуту и без конца теребил то бабуку, то отца расспросами о ней. И вот однажды по весне, воротившись домой, Владимир Иванович обнаружил в своей столичной квартире Никодима Кротова. Кротов с женой постоянно жили в загородной усадьбе Роевых, присматривали за домом. Собственно, именно там прошлой осенью и пропала Надя Роева. Увидев Кротова, Владимир Иванович замер на пороге квартиры.

– Я, почитай, с самого утра вас дожидаюсь, Владимир Иванович! Привез вам весть, только, наверное, нерадостную, весть-то, – тягуче, чуть нараспев произнес Никодим.

– Какую весть? – выдохнул Роев.

– Нашлась матушка Надежда Васильевна, нашлась голубушка!

– О Господи! Где? Как?! Отчего не привез?.. Или? – Владимир Иванович поперхнулся словами. В глазах Кротова он прочитал ответ. Нади больше нет.

Роев, стараясь не потерять самообладания, не дать отчаянию завладеть собой, отрывисто зазвонил в колокольчик. Спешно из комнат выбежала горничная.

– Катерине Андреевне передай, что выехали в «Уютное». Более пока ничего, поняла? Ни словечка! Сам все скажу. Сыну ни слова! Едем!

До вокзала домчали на лихаче. Роев расплатился, не глядя. Видавший виды лихач только покачал головой. Эка барина разобрало. Успели на трехчасовой поезд с Царскосельского вокзала. Всю дорогу Роев молчал, не спрашивал никаких подробностей. Ему надо было подготовить себя к встрече с любимой женщиной, обожаемой женщиной. Он грезил этим свиданием весь год, рисовал себе картины их встречи. Но не так! За окном вагона мелькали поля и деревья, дома и огороды. Но он не видел ничего, не слышал свистка паровоза, разговоров пассажиров. Вот уже и поезд позади. Путники сошли на маленькой станции, их ждет коляска. Трясущая раскисшая после зимы дорога засасывает колеса, лошадь с усилием передвигает ноги. Медленно подъехали к крыльцу дома. Дом окружали высокие старые дубы и липы. Почки на них еще только-только готовились раскрыться, чтобы потом превратиться в роскошный лиственный шатер для всей усадьбы. Шум подъехавшей коляски растревожил ворон, и они закружили над крышей дома и кронами деревьев, отвратительно каркая и усугубляя и без того тягостное настроение.

– Ой, батюшка! Ой, голубчик! Горе-то какое! – заголосила было жена Кротова, невысокая плотная баба в простом платке, стоявшая на крыльце в ожидании хозяина. Но Никодим строго цыкнул на нее, мол, не время еще голосить по барыне. И та замолчала, лишь горестно качая головой и изредка всхлипывая. Тут же, в сторонке, дожидались еще несколько человек, из местных. Один снял шапку и подошел с поклоном.

– Шурин мой это, Степан. Да вы его помните, барин, он частенько с охоты приносит на кухню, чего добудет. Барыня Надежда Васильевна в прошлый год ругали его, чтобы мимо ребенка зайку мертвого не носил, помните? – Никодим легонько подтолкнул родственника к Роеву.

– Да, да, – нетерпеливо кивнул головой хозяин.

– Так вот я и нашел ее вчерась на охоте поутру, – глухо пробормотал Степан.

– Где? – прошептал Владимир Иванович.

– Там, недалеко, пойдемте, покажу, – мужик махнул рукой в сторону лесной дороги, начинавшейся недалеко за домом.

Шли молча. В лесу стоял чудный аромат влажной земли, пробуждающейся зелени, посвистывали пичужки, кое-где виднелись первые весенние цветочки. Но для Владимира не существовало ничего. Он шел в распахнутом пальто, шляпа сдвинута на затылок. Душа его замерла в предчувствии ужаса, ноги слушались плохо, два раза он останавливался перевести дух и протереть пенсне, предательски запотевшее и сползавшее с носа.

– Тут, – остановился неожиданно Степан и показал рукой вперед. Роев прошел несколько шагов. Впереди оказалась яма, полузасыпанная ветками и листьями. Владимир Иванович отлично помнил, что мимо этого места они проходили осенью в поисках жены несколько раз, но не видели ямы вовсе! Медленно, будто боясь кого-то спугнуть, он приблизился к темноте ямы. Сначала его глаза не увидели ничего, какое-то месиво на дне. Роев поправил пенсне и напряг свои близорукие глаза. В следующий миг он отпрянул с криком ужаса и боли. Шатаясь,

как слепой, и хватаясь за деревья, он хотел бежать прочь, но не смог. Его вырвало, лицо приобрело серый цвет, и он потерял сознание.

Глава 2

Князь Евгений Верховский был чудо как хорош собой. Росту высокого, кость тонкая, поступь грациозная, первый танцор на всех балах! Черты лица, полные изящества и томности, обрамлялись слегка выщипавшимися темно-русскими волосами. Серые глаза завораживали своим особенным выражением. Они были подобны глубокой темной воде – красиво и страшно. Что таится в этой глубине?

Евгений принадлежал к старинному русскому роду, но, как многие дворянские семьи, постепенно вымирающему. От былых богатств некогда влиятельных и состоятельных предков, блиставших при прежних Романовых, остались жалкие крохи, да и те распушил по ветру покойный папенька. Родители Верховского уже давно переселились в лучшие миры. В своей памяти Евгений редко возвращался к их образам. Поверхностный, легкомысленный папаша и вечно унылая, всем недовольная маменька. Когда сын бывал на Волковском кладбище, а бывал он там редко, он грустил и вздыхал, как подобает в таких случаях, но душа его не скорбела. Он скорей печалился не от того, что они так рано его покинули, а от сознания того, что, в сущности, они не были им любимы и близки. В наследство молодому человеку осталось денег достаточных лишь на очень скромное существование, зато много долгов. От нескольких домов в Петербурге остался лишь один в Литейной части. Но и в нем большая часть квартир была сдана внаем. За хозяевами осталась лишь одна огромная квартира на втором этаже. В этих роскошных многокомнатных апартаментах Евгений проживал под нежным и неусыпным присмотром тетушки Татьяны Аркадьевны, сестры отца. Татьяну Аркадьевну потенциальные женихи обожали вниманием и оставили княжну куковать в старых девах. В прошлом остался Смольный институт, растаявшие девичьи надежды. Она постепенно уподобилась лежалому яблочку. На вид вроде бы еще съедобно, но ни вкуса, ни аромата, ни сочности! Трудно было понять, сколько ей лет – и тридцать, и шестьдесят одновременно. Невысокая худая фигурка, жидкие волоски, облагороженные искусным шиньоном, мелкие черты невыразительного личика и немислимо пронзительный высокий голос.

Когда несовершеннолетний племянник остался полным сиротой, Татьяна Аркадьевна со всей пылкостью нерастроченной любви приступила к опекунамским обязанностям. Она окружила его неустанной заботой, но не смогла быть строгой по отношению к своему родственнику. Ведь юноша был так неотразимо хорош, так обходителен и мил, что княжна прощала ему все шалости и проступки. Она словно не замечала, как по мере того как ее воспитанник рос, увеличивались и его долги, и количество разбитых сердец. Евгений, как всякий светский человек, жил полноценной жизнью. Интриги, сплетни, скандалы не проходили мимо него. Но это только добавляло прелести и шарма к его и без того пленительному образу. Незамужние девицы и молодые вдовушки строили относительно князя матримониальные планы. Замужние дамы желали заполучить его в свою постель, не без основания полагая в молодом человеке таланты превосходного любовника. Мало кто из них догадывался о том, насколько непрочен роскошный фасад, что он рухнет в тот миг, когда все кредиторы разом предъявят свои векселя. Удивительно, но сам Евгений нисколько не обременял себя тяжелыми раздумьями о хлебе насущном. Воистину, птичка Божия не знает ни заботы, ни труда! Зато Татьяна Аркадьевна все более и более подумывала о выгодном браке для своего любимца. Однако здесь присутствовало одно «но»...

«Нет, это смертный грех! Не думать, не вспоминать, не переживать заново! Грех!» Она с усилием гнала от себя волнующие образы и переживания. Надо думать о деле, иначе можно и по миру пойти, несмотря на княжеский титул. Таковых она знавала много!

Надо найти такую невесту, чтобы, во-первых, во-вторых и в-третьих, была очень богата и желательно глупа. Такую легче потом отодвинуть на задворки княжеской жизни. И вместе с

тем, избранница почитала бы за счастье быть избранной и трепетала перед красотой и титулом супруга всю жизнь. Исходя из подобного расклада, барышня должна происходить из захудалого рода, пребывать в неискuschenных девицах и являться единственной наследницей приличного состояния, ради которого можно временно поступиться свободой.

Княжна долго кружила с визитами по столичным домам. Ее принимали везде очень любезно, прекрасно понимая цель подобных визитов. И вот, наконец, забрезжил положительный результат. Правда, придется забыть о дворянской гордости. Девица принадлежала к купеческой семье. Чистый мезальянс, но какое приданое, какое наследство! Отец, купец третьей гильдии Астахов, торговля лесом «Астахов и К», домовладелец! Княжна не знала, как и подступить так, чтобы не уронить достоинства. Надо изобразить пылкую страсть претендента, нежное чувство с первого взгляда. Тогда сделка – титул на деньги – будет не столь явной и отвратительной. Купеческая семья приняла правила игры. Дело оставалось за малым – познакомить молодых. Но как сделать это пристойно? Выход нашлся. Княжне помогла ее старинная, еще по Смольному институту, приятельница баронесса К. В свое время баронесса продала купцу часть своей недвижимости. Обе стороны остались чрезвычайно довольны сделкой и сохранили знакомство. Евгению суждено было встретить Лидию Астахову в гостиной баронессы.

Накануне молодой Верховский размышлял о предстоящем выборе. Разумеется, это вынужденный шаг. Но не смертельный. Евгений, не обремененный никакими узами и обязательствами, смутно представлял себе обстоятельства, при которых существо женского пола сможет каким-либо образом ограничивать его жизнь. Ну, будет жена жить где-то поблизости, будет называться княгиней Верховской. Придется поначалу вместе делать визиты и принимать у себя гостей. Тетенька поможет изобразить счастливый супружеский рай молодоженов, она мастерица пускать пыль в глаза. Родственничков супруги надо быстро отвадить, пусть почувствуют себя сущими пейзажами! А он сможет сделать это легко и очень чувствительно! Два-три слова, несколько косых взглядов, и готово! Показать папеньке, что его место в лесу, а не в светских гостиных. Сиди на своей лесопилке и тихо радуйся: твоя дочь-корова теперь, ни много ни мало, княгиня. А от вас требуются только ваши денежки на мое безбедное существование!

Размышляя подобным циничным образом, облаченный в домашний мягкий уютный халат, Евгений отправился на половину тетки. Татьяна Аркадьевна пребывала в величайшем возбуждении. Она, полуодетая, кошкой металась по комнатам и громко вскрикнула при виде вошедшего племянника. Правильнее было бы сказать взвизгнула, такой пронзительностью обладал ее голос. Но Евгений даже не вздрогнул, он с детства привык к подобным тонам и находил их забавными.

– О, Эжен! – тетя называла своего мальчика на французский манер. – Завтра тебя ждет великое испытание! Наберись холодного разума, мой дорогой! У нас нет выбора! Ведь мы почти разорены!

– Это «почти» дает неуловимую надежду! Я весь в сомнениях! Купеческая дочь! Фи! Меня засмеют! Куда я покажусь с такой женой!

Евгений, хоть и решил давно все для себя, тем не менее, ему доставляло удовольствие подразнить тетку, изображая нежелание поддерживать ее план.

– Бог мой! – продолжала завывать княжна. – Если бы я могла продать свое тело, свою свободу в обмен на презренный металл и спасти тебя, мое сокровище, от этого унижительного союза!

Она остановилась, выжидая. Теперь была очередь Евгения.

– Нет, тетя, нет! – воскликнул он с дежурной пылкостью. – Я бы никогда не принял этой жертвы! И потом...

Оба замолчали, подумав об одном и том же. Татьяна Аркадьевна дышала тяжело, глаза ее постепенно заволакивало поволокой. Евгений отвел взор от ее отвислых грудей, видневшихся в разрезе кружевной сорочки.

В это время в передней завершал звонок. Тетя и племянник вздрогнули и, смяв внутри себя прежние ощущения, перешли к деловому обсуждению предстоящей операции.

На другой день благоухающий духами, в бархатном сюртуке и шелковой рубашке с бантом Верховский явился к баронессе. По выражению лица престарелой матроны он понял, что выглядит чрезвычайно эффектно. Татьяна Аркадьевна, сопровождавшая племянника, оделась по этому случаю с невыразимым шиком. Черное шелковое платье, бережно хранимое с молодых лет, удачно подчеркивало хрупкость ее фигуры, еще вполне привлекательной. Маленькая изящная шляпка кокетливо примостилась на голове, удачно скрывая недостаток волос. Немного румян и помады придали лицу подобие свежести. Худые ручки затаили в перчатки, и все это великолепие было обильно сдобрено дорогими духами. Почти одновременно прибыла и потенциальная невеста.

Лидия вплыла в комнату и, казалось, сразу заняла собою все пространство. Это была очень высокая девушка, ростом почти с самого Верховского. Каштановые волосы образовывали на голове замысловатый узел. В ушах покачивались сочные рубины, в тон таких же сочных полных губ. Лица в первую минуту Евгений и не разглядел. Его взор непроизвольно остановился на огромной полной груди, как казалось, двигавшейся впереди самой барышни. Гигантские размеры бюста так поразили его воображение, что он непростительно замешкался с приветствием, и княжне пришлось слегка подтолкнуть племянника, дабы вывести из оцепенения. Князь даже покраснел, что за ним не водилось с детства, и поспешил приложиться к ручке.

– Какое удовольствие познакомиться с вами, мадемуазель Лидия! – с придыханием произнес молодой человек. И ведь не соврал. Просто глядеть на такое великолепие для всякого мужчины уж есть блаженство, а вот ежели еще и ощутить в своих ладонях! От этой мысли в штанах князя стало тесно и сыро. Он поспешил отойти в сторонку и перевести дух.

Теперь можно и лицо разглядеть. Лицо как лицо. Круглое, крупное, глаза выпуклые, навывкате. И впрямь, коровища, во всех отношениях! Но тела-то какие, какие божественные перси!!!

– Разумеется, все представители нашего рода отличались особой красотой, – это до князя долетели обрывки разговора. – Евгений Кириллович унаследовал необыкновенную красоту своей матушки, помноженную на многочисленные таланты и достоинства его отца, моего покойного братца. Он тоже был красавец! Вы ведь помните, дорогая баронесса, моего брата?

Баронесса склонила голову в знак согласия, но промолчала. Она помнила этого старого пакостника князя Верховского, который, навещая сестрицу в Смольном институте, норовил задрать юбку каждой воспитаннице.

«В кого же ты уродилась, такая красавица?» – подумала про себя Лидия. Цепким взором она отметила смятение Верховского, это был добрый знак. Она знала, что красоты в обычном смысле слова в ней нет, но есть то, перед чем не устоит никакой мужчина и даже князь. Простоватая внешность Лидии обманула княжну, почитавшую себя очень опытной. Купчиха вовсе не была так глупа, как казалось. И даже в гимназии училась весьма успешно.

Тем временем разговор вертелся вокруг обычных тем, которые не сходили с языка в каждой гостиной. Князь, оправившись от пережитого смятения, красноречиво ораторствовал, пытаясь поразить девицу своими достоинствами. Подали чай с пирожными. Лидия оживилась и с видимым удовольствием откушала несколько штук подряд.

«Да, голубушка, немудрено, что ты в дверь-то с трудом проходишь. Глядишь, годок-другой и боком протискиваться придется», – подумала про себя княжна. При этом Татьяна Аркадьевна отметила вульгарно торчавший в сторону мизинец, когда барышня брала пирожное с блюдечка или чашечку своими пухленькими ручками.

Князю тоже бросился в глаза злополучный палец, и он уже в лицах рисовал себе ухмылки знакомых за спиной, которыми они будут обмениваться по поводу манер новоиспеченной княгини.

– Однако чудный у вас материал на платье, дорогая Лидия Матвеевна! – затараторила княжна, поняв, что та обратила внимание на взгляды, которыми обменялись Верховские.

– Да-с, это не только материя, это платье прямо из Парижа. Нынешним летом посетили всем семейством. Мне от папеньки ни в чем отказу нет! У меня такие наряды, что не всякая дама в Петербурге себе позволить может! – низким голосом ответила гостя. Малиновые рубины в ушах сверкнули загадочным светом, словно подтверждая слова хозяйки. Их блеск передался золотой цепи на шее, массивным кольцам на полных пальцах. Уже одни эти украшения представляли собой целое состояние. А уж в драгоценностях аристократы Верховские разбирались великолепно!

По возвращении домой тетя и племянник долго и возбужденно обсуждали каждую деталь визита, представляя красочные картины богатства, которое в скором времени им достанется. И даже заспорили о покупке выезда и новой мебели.

– Ну, полно, полно, тетя, вы купите себе, что захотите! Не будем пока делить шкуру неубитого медведя!

– Медведицу ты завалил наповал, мой мальчик! Разве может она устоять перед таким мужчиной, как ты? Да мог ли ей присниться такой жених? Кто вокруг нее? Свои же купеческие сынки! Мужланы неотесанные! А ты у меня...

Она в порыве восторга страстно облобызала молодого человека. Князь самодовольно улыбнулся, тряхнул кудрями и с удовольствием посмотрел на свое отражение в зеркале. То, что там он видел каждый день, доставляло ему самое большое удовольствие в жизни.

Однако шутка насчет медвежьей шкуры нашла свое неприятное продолжение. На следующий день Евгений послал в дом Астаховых роскошный букет роз и свою карточку. В ответ он ожидал получить приглашение и готовился к следующему этапу охоты за приданым. Поэтому он не поверил собственным глазам, читая ответ:

«Милостивый государь, Евгений Кириллович! Благодарю Вас за Ваш чудный букет. Он хорош во всех отношениях, однако же роз я не люблю. Лидия».

Пребывая в полном недоумении от этого нелюбезного письма, Верховский сделал над собой усилие и, преодолевая раздражение, лично отправился в цветочный магазин, где под его требовательным взором приказчик составил букет, рассчитанный на самый изысканный вкус. Прежний же был куплен посланным за этой надобностью камердинером.

Ответ на второе послание оказался еще более дерзким и недоброжелательным.

«Увы, мой князь, я вовсе не люблю срезанных цветов!»

Верховскому дали понять, что знакомства продолжать не желают. Такого фиаско он не получал никогда.

Глава 3

Роев едва держался на ногах от пережитого потрясения. Он заставил себя присутствовать при извлечении тела жены из ужасной ямы. От любимого лица не осталось и следа. Время, вороны, черви сделали свое страшное дело. Однако ж, несомненно, это была Надежда Роева. Вполне сохранилась одежда, некогда роскошная шляпа, купленная Роевым у дорогой модистки, сумочка с дамскими принадлежностями и полуистлевшими бумагами. Почему-то почти не пострадали роскошные волосы, от которых Владимир сходил с ума. Теперь же они стали грязным войлоком, а ведь всего год назад густой тяжелой волной падали почти до колен!

Известили полицию. И теперь дело о пропавшей жене превратилось в дело о смерти при неясных обстоятельствах Роевой Надежды Васильевны, двадцати пяти лет от роду, дворянского звания, православного исповедания. После осмотра останков решено было тело доставить в Петербург в закрытом гробу и там похоронить на Смоленском кладбище.

Владимир страшился вернуться домой. Как сказать матери, что дочь ее найдена мертвой? Причем глядеть на нее нельзя, так как это уже не твоя любимая девочка Наденька, а и слов-то не подберешь! Как объяснить сыну, что маменька нашлась, но все равно уже никогда не будет жить вместе с ними и вообще жить на белом свете!

Катерина Андреевна выслушала сбивчивый рассказ зятя с белым каменным лицом. Ему пришлось приложить немало сил, отговаривая тещу открыть крышку гроба. Гроб установили в гостиной, окружив горящими свечами и цветами. Катерина Андреевна застыла у его изголовья с остановившимся взглядом, не видя и не слыша ничего вокруг. Няня несколько раз приводила Васю проститься с маменькой. Ребенок плакал тоненьким жалобным голоском и трогал ручонкой холодную стенку гроба.

– Иди, иди, Васенька, ступай в детскую, молись о своей матери! Пусть Господь простит ей все грехи и возьмет ее в рай! – бабка нежно погладила по голове осиротевшего внука, и тут наконец на ее глазах выступили спасительные слезы. Горе водопадом вырвалось наружу. Дом огласился отчаянным воем и криком пожилой женщины. Вася тоже закричал – от страха. Он никогда не видел сильно плачущих людей, а тем более свою бабушку, всегда такую сдержанную. Няня поспешно подхватила ребенка и бросилась вон.

Накануне похорон Владимир Иванович уговорил тещу прилечь и попытаться хоть немного поспать. Вместе с горничной они почти волоком оттащили Катерину Андреевну в ее спальню. Сам же он вернулся на печальный пост и без сил опустился на колени. Приглашенный дьяк читал зауспокойные молитвы. Свечи оплывали, цветы увядали. Завтра гроб осыпят белыми цветами. Она так любила белые цветы! Жасмин, черемуху, сирень, шиповник! В памяти тотчас же ожили чудные картины...

Надя-девочка с длинной косой, обнимает огромный букет упоительно пахнущей черемухи. Смеющаяся Надя прижимает ко рту палец, уколотый веткой белого шиповника...

– ...Какой вы смешной, Владимир Иванович! Зачем, зачем вы затащили меня в эдакую глушь! Вот видите, я уколола палец, теперь я умру, и вы будете виноваты в этом! – Надя, смеясь, поднесла пораненный палец к губам. На его кончике выступила крохотная алая капелька крови.

Роев бросил на землю ветки цветущего белого шиповника, которые он наломал для девушки, и, сам того от себя не ожидая, быстрым движением поймал пальчик и страстно его поцеловал. Кровь выступила еще, он сладострастно слизнул ее. Надя испугалась и хотела выдернуть руку, но Владимир не отпускал своей добычи.

– Вы точно вампир, господин Роев. Кровь мою выпить хотите?

– Зачем мне ваша кровь, я свою бы вам отдал! – воскликнул молодой человек. – Да что кровь, сердце мое, мою жизнь, мою душу, мою любовь! – добавил он тихо.

Надя остолбенела. Она знала Роева всю жизнь, с детства. Он милый, образованный, состоятельный. Конечно, она любила его. Как брата.

– Володя, я... я не знаю, что сказать. Я не хочу обижать вас. Милый Володя, но зачем вы сказали это? Как теперь нам быть друг с другом? Наверное, я так привыкла к тому, что вы всегда есть в нашей семье, поэтому никогда не думала о вас как о мужчине...

То есть я хотела сказать, как об объекте страсти... Ой, не то, не то говорю, вот видите, я сказала глупость, обидела вас! – она замахала руками и почти заплакала. Серые глаза стали влажными, губы скривились и задрожали. Бедная девушка совсем растерялась. И немудрено! Первый раз в жизни ей признавались в любви!

Роев тоже пришел в величайшее волнение. Он давно хотел объясниться. Да все никак не мог собраться с духом. Каждый вечер, ложась спать, он продумывал до мелочей разные варианты и обстоятельства, при которых этот разговор мог произойти. И вдруг сегодня, так внезапно, на будничной прогулке, в зарослях колючего шиповника!

– Наверное, нам ничего не надо говорить друг другу сейчас. Вы успокойтесь, а потом, на холодную голову, примете решение.

– Какое решение? – изумилась Надя.

– Я прошу вас быть моей женой, – бесцветным голосом произнес Владимир.

Надя от этих слов совсем потерялась. Она знала по книжкам и романам, что девица в подобной ситуации должна ответить радостным согласием и скрепить его пылким поцелуем. Но ей совсем не хотелось целовать Володю. А тем более выходить за него замуж! Конечно, они целовались, при встрече, при расставании, поздравлениях, пожеланиях и прочее. В лобик, в щечку. Она представила, как он крепко прижмет ее к себе, вопьется губами в ее рот... Стало так неприятно, что мурашки побежали по коже. Но что же делать? На ум приходили одни банальности. После уже сказанной глупости лучше и вовсе молчать! Но ведь и молчать нельзя, коли ждут ответа!

На Владимира жалко было смотреть. Он поник головой и стал еще меньше ростом. Роев был невысокий, но крепкий, подвижный и гибкий. Будучи старше Нади почти на десять лет, он выглядел ее ровесником. Особенно когда играл с ней в мяч, катался на велосипеде или предавался другим радостям жизни, свойственным только очень молодым, легкомысленным и жизнерадостным людям. Теперь же он стоял перед нею с видом побитого ребенка, русая челка падала на лоб, губы плотно сжаты, глаза потухли. Наде очень нравились эти глаза, всегда умные и доброжелательные. Но не за глаза же замуж выходить!

– Я поставил вас в неловкое положение, Надежда Васильевна! Простите меня! Мне надлежало бы переговорить с вашими родителями, но я посчитал необходимым сначала сказать вам о своих намерениях. Если вы позволите, мы оставим теперь этот разговор и вернемся к нему позже, когда вы привыкнете к этой мысли и обдумаете мое предложение. Сейчас я отвезу вас домой и приеду через день за ответом. Согласны?

Надя уныло кивнула головой. Они двинулись к коляске, стараясь не смотреть друг на друга от смущения. Роев правил сам. Он купил эту щегольскую коляску для прогулок на природе и частенько приглашал Надю и ее родителей. В этот год им стали позволять ездить вдвоем. Владимир стал настолько своим человеком в доме, что можно было без опаски доверить ему юную барышню.

Роев приходился семье Ковалевских дальним-дальним родственником, как говорится, седьмая вода на киселе. Он родился в Москве, но рано покинул отчий дом и двинулся искать удачу в Петербурге. Прибыв в столицу, он навестил Василия Ковалевского, отца Надежды, имея при себе письмецо с просьбой о протекции. Поначалу его встретили холодно и настороженно, как любого незваного гостя, да еще просителя. Однако в просьбе не отказали, он получил захудалое местечко и стал потихоньку обживать в столице. Снял маленькую, но пристойную квартирку, упорно трудился, заводил нужные знакомства. Владимир обладал приятной

располагающей внешностью, незлобивым характером. К тому же имел хорошее образование и приятные обходительные манеры. Через несколько лет он получил наследство после смерти родителей и стал вполне состоятельным человеком. Владимир купил загородную усадьбу в окрестностях Петербурга недалеко от усадьбы Ковалевских и стал частенько навещать к ним по-соседски. Его оценили и полюбили. Ковалевский активно проталкивал молодого человека вверх по служебной лестнице. Его жена, красавица Катерина Андреевна, свела Роева со своими родовитыми и знатными знакомыми. Он стал завсегдатаем их роскошного дома на Троицкой улице в столице и превратился в друга семьи. Особенно нежно Ковалевские стали опекать милого Володю, когда подросла их единственная дочь Надя.

Казалось бы, чего тревожиться родителям девушки из аристократической семьи, с хорошим приданым? Их беспокоила сама Надя. Удивительным образом девочке не передались яркая красота и привлекательность родителей. В свое время брак Василия и Катерины наделал много шума в светском Петербурге. Редко можно встретить семейную пару, где оба супруга столь привлекательны. Василий Никанорович обладал, что называется, породой, статью, изысканной мужской красотой. Правда, с годами некогда точеные черты лица расплылись, фигура расплнела и обмякла. Зато жену его время не брало. Катерина Андреевна точно сошла с испанских картин Гойи. Гордая стать, черные брови вразлет, карие блестящие глаза, корона темных волос. Она любила носить в ушах крупные камни, которые мерно раскачивались в такт ее королевской походке. Когда родилась девочка, от нее ожидали неземной внешности. Но по мере того, как она росла, росло и скрытое разочарование родителей. Девочка получилась невзрачная, пройдешь мимо, не взглянешь. Угловатая, ширококостная, с длинными руками и ногами, большими ступнями. Лицо открытое, с ясными глазами, слегка украшенное веснушками. Единственное богатство, доставшееся от матери, это роскошная темно-каштановая коса, толстой змеей сбегавшая по спине аж до колен. Наверное, господь Бог сначала задумал ее мальчиком, но потом изменил свое решение. Надя передвигалась быстро, широко шагая, так, что мешала юбка. Любила ездить на велосипеде, могла далеко ходить пешком и плавать в холодной воде.

Но не только блеклая внешность девушки расстраивала родителей. Надя совершенно не страдала от отсутствия красоты. В ней не было ни крупинки кокетства, жеманности, наигранности. Она не желала постигать науки флирта, умения напускать загадочность, притворяться и лицемерить. То, без чего невозможно выводить барышню в свет и искать подходящую партию. Надя была сама искренность, наивность и простота. Она много читала, думала, мечтала, ее интересовали серьезные проблемы. Она хотела пойти учиться на Бестужевские курсы и стать земской учительницей. Искренне верила в идеалы добра, справедливости и разума. Катерина Андреевна только диву давалась, как она такой стала? Ведь молодую Ковалевскую даже определили было на воспитание в Смольный институт так же, как и ее мать. Но в этой знаменитой кузнице благородных жен и фрейлин ей оказалось столь неумоготу, что она зачахла и заболела. Испуганные родители отступились, и дальше Надя росла как трава. К ней брали домашних учителей, и она с легкостью осваивала премудрости наук. Однако попытки сделать из нее светскую даму отвергала мягко, но непоколебимо. Из всего этого следовало, что с женихами возникнет проблема. И действительно, попытки вывозить девушку в свет закончились сокрушительным провалом. Самолюбие старших Ковалевских было глубоко уязвлено. Сама же Надя к собственному светскому провалу отнеслась равнодушно. Она жила в мире своих образов, книг, переживаний и по-девичьи свято верила в романтические сказки о рыцаре на белом коне.

В этой связи Владимир Роев оказывался единственным и самым достойным кандидатом в мужа. Подружившись с семьей Ковалевских и найдя в их доме то, чего, вероятно, не доставало в его семействе, молодой человек прикипел душой и к супругам, и к их дочери. Она подрастала на его глазах, и он видел, как много в них схожего. Владимира поражала Надина открытость и искренность, естественность в поступках и речах. Он понимал, что она не красавица. Но это

казалось совершенно неважным, потому что душа этой девушки представлялась ему горным хрусталем. Роев и сам не знал, с какого момента он полюбил Надю и стал мечтать о ней как о возлюбленной. Ему казалось, что всегда, с первого дня, когда он увидел ее трогательным ребенком в платьице с оборками и куклой в руках.

От внимательного материнского взгляда Катерины Андреевны не ускользало ничего. Она привечала Владимира как родного сына, всячески давая ему понять, что Ковалевские будут рады его намерениям. Если этот брак состоится, как знать, может, и наивные Надины намерения поступить на курсы и сделаться учительницей развеются сами собой. Будет собственный дом, пойдут дети, девушка превратится во взрослую женщину, и глупости юности пройдут сами собой. Жизнь заставит. Катерина Андреевна не теряла надежды увидеть в дочери собственное подобие. Она приходила в ужас и тоску, представляя Надю с остриженной косой, в невзрачном платьице, со стопочкой книжечек, перевязанных бечевочкой. И потом все эти институтки так свободны в нравах! А многие водят знакомства с молодыми людьми очень радикальных и вольнодумных взглядов! Надя, с ее любовью к книжкам и умным рассуждениям, может легко оказаться в опасном знакомстве. Только ранний брак может изменить дело. Как говорится, чуть ли не из колыбели – в супружеское ложе! Однако вслух ничего не произносилось. Боялись спугнуть Надю. И вот час пробил. Главные слова произнесены.

Когда подъехали к дому, солнце уже клонилось к закату. Владимир помог девушке сойти с коляски и, не оставшись обедать, спешно уехал. Надя вбежала на террасу дома, где в кресле-качалке в ожидании молодежи уютно расположилась мать.

– Отчего это Владимир не остался на обед и убежал, даже не зашел проститься? – изумилась Ковалевская, но, заметив смятенное выражение лица дочери, насторожилась.

– Уж не поссорились ли вы?

– Нет, мамочка, хуже того! Он сделал мне предложение! – с чувством выкрикнула Надя и с вызовом посмотрела на мать.

Повисло молчание. Катерина Андреевна быстро барабанила пальцами по полированной ручке кресла. Она ожидала этого шага от Владимира, молила Бога, чтобы это произошло, и все-таки это событие случилось внезапно. Сейчас главное не давить на дочь, необходимо плавно подвести ее к мысли о неизбежности этого, во всех отношениях, удачного для нее брака.

– Ну что, пойду обрадую твоего отца, – пропела Катерина Андреевна, легко поднимаясь с кресла, – Василий, Василий Никанорович!

Ее бархатный голос зазвучал уже в глубине дома, где в прохладных комнатах от жары лета скрывался муж.

Надя с недоумением устала на кресло, которое еще раскачивалось после ухода матери. Ее не стали уговаривать! Вопрос решен, или она настолько свободна в выборе? Девушка побежала в свою комнату и, запершись там, предалась нелегким размышлениям.

Глава 4

Князь Верховский несколько дней обдумывал сложившуюся ситуацию. Он попал в странное, неведомое до сих пор для него положение. Его отвергли. Его не хотят. И кто? Боже мой! Купчиха! Однако перед глазами стояли раблезианские формы барышни Астаховой, и от этих воспоминаний Евгения бросало в жар. Он чувствовал, что ему не удастся просто выбросить Лидию из головы и заняться поиском другой жертвы. Дело в том, что жертвой стал он сам. Жертвой своей сладострастной и ненасытной плоти. Женское тело влекло его постоянно, днем и ночью. В столице не осталось ни одного публичного дома, в котором не побывал молодой человек. Многие светские дамы, с легкой дрожью возбуждения и румянцем на щеках, вспоминали любовные объятия Верховского. Собственная княжеская постель подолгу пустовала. А если он и ночевал дома, то редко спал один. Прислугу в княжеский дом отбирали такую, что просто загляденье! Только горничные долго не задерживались и через некоторое время срочным образом выходили замуж, получив от хозяина «отступные». Но все эти бурные приключения через некоторое время стали казаться Евгению пресными и обычными. Он стал замечать в себе неприятные особенности. Красивая ухоженная молодая женщина возбуждает его меньше, чем некое уродство. Он устремился на окраины города, в кабаки, притоны, в рабочие кварталы, в мрачные доходные дома в поисках новых ощущений. Горбуни и калеки, спившиеся седые кокотки, еще не утратившие прежних профессиональных навыков, несовершеннолетние, еще нетронутые девочки, а лучше того – мальчики. Эти обитатели людского дна превратились в самую сладостную часть княжеской жизни. Он надолго пропадал, пока еще не рискуя приводить жертву к себе в дом. При этом Евгений сознавал свою возрастающую порочность. Жгучее сладострастие мучило его. Объекты страсти были и самому ему отвратительны. Но чем отвратительней они были, чем более коробилось его эстетическое чувство, тем сильнее он получал удовлетворение чувства животного, физиологического. Верховского пугало то, что с ним происходит. Он не был глуп и наивен, понимал, что следует остановиться. Иначе – катастрофа! Но пока он не видел спасения.

И вдруг – Лидия. Евгения поразила безобразно огромная грудь Астаховой. Купеческая дочь, не подозревая о том, попала именно в ряд того необычного, что так возбуждало Верховского. Но теперь ведь можно было и жениться, да еще и деньги приличные взять! Выход найден! Совместить порок и супружеское ложе!

Отказ Астаховой от продолжения знакомства привел князя в неистовство. Теперь он готов был на любые шаги во имя обладания этим телом. Перед его взором проносились картины самых изощренных чувственных безумств. Мысленно он уже ласкал, кусал, мял эти безобразные, огромные, божественные груди. Какие они? Мягкие или упругие? Подобны гигантской груше или сочному арбузу? Сосок – какой он, малюсенький приплюснутый или крупный, как зрелая вишня?

Евгений искал встречи с купеческой дочкой, но все напрасно. Он сторожил ее экипаж на прогулках, таскался в дома, где она бывала. Увидеть ее одну или просто заговорить не удавалось никак. Лидия не замечала князя или делала вид, что не замечала. От этого пожар его страсти разгорался еще сильнее. Верховский дошел до того, что стал посещать благотворительные балы, концерты и прочие богоугодные мероприятия. Наконец, его мучения были вознаграждены. На одном из таких концертов ему удалось поговорить с Астаховой наедине.

Концерт давался в пользу больных сирот. Евгений прекрасно отдавал себе отчет, что молодым повесам, подобным ему, не место в столь благочестивом собрании. Он ловил на себе любопытные и недоумевающие взоры присутствующих, но ему было равным счетом все равно. Главное, она тут! Лидия!

Астахова, как одна из дам – распорядительниц вечера, с озабоченным и деловым видом сновала по комнатам особняка, любезно предоставленного по такому случаю престарелой графиней Д...кой. Она уже несколько раз пробежала мимо Верховского, и не заметить его она не могла. Князь затосковал. Неужели опять все старания прахом? Он смешон даже в собственных глазах, за его спиной уже шушукаются. Вероятно, завсегдаги гостиных уже вычислили объект его страданий и показывают пальцем. Пусть, черт побери! Она мне нужна, я добьюсь своего!

– Неужели, князь, вас тронула горькая судьба сирот? – раздался насмешливый голос. Верховский встрепенулся. Астахова стояла перед ним.

«Какой дикий фасон платья, какой нелепый цвет, и это дурацкое перо в прическе!» – мысленно отметил про себя князь, который знал толк в женских нарядах.

– Конечно, судьба сирот не может оставлять равнодушным каждого порядочного человека, мадемуазель Лидия! Я, безусловно, внесу посильный вклад в ваше благородное дело, – он с достоинством поклонился. – Однако есть на свете вещи, которые гнетут меня гораздо сильнее!

Он помолчал, ожидая, что она сама спросит, что же так гнетет его душу. Но Лидия не проронила ни слова, продолжая рассматривать своего собеседника холодным и равнодушным взглядом больших выпуклых глаз.

«Чертова корова! Ты у меня еще помычишь!»

– Я осмелюсь продолжить, госпожа Астахова. С некоторого времени я имею несчастье пытаться привлечь внимание одной персоны к своей скромной особе. Однако вышеназванная персона не желает замечать моего присутствия...

– Нет, отчего же, – бесцеремонно перебила его купчиха, – я вижу, вы волочитесь за мною с момента нашего знакомства.

Евгения покоробил и тон, и сама фраза. Но он кротко продолжил:

– Позвольте, мадемуазель, я искал случая выказать мои чувства, мое страстное желание продолжить наше, столь краткое и поверхностное знакомство.

– А я не имею столь страстного желания! – опять же довольно резко заметила Астахова.

Евгений почувствовал, как внутри поднимается волна дикого раздражения. С натянутой улыбкой спросил:

– Отчего же, разве я обидел вас, разве чем не угодил?

– Нет, вовсе нет! Просто я не люблю красавчиков типа вас!

– Отчего красивые мужчины у вас в немилости, дорогая Лидия?

– За красивой оболочкой чаще всего прячется пустота, пшик! – заявила барышня с бесцеремонной наглостью.

Евгению показалось, что ему дали пощечину. Это становилось невыносимым. Астахова намеренно говорила с ним грубо, стараясь обидеть и унижить. Неслыханное дело!

– Помилуйте, сударыня? За что такое наказание? Отчего вы столь вызывающе нелюбезны со мною? – с трудом подавив бешенство, процедил сквозь зубы Евгений.

– Я намеренно хочу обидеть вас, господин Верховский, дабы вы более не предпринимали никаких попыток ухаживать за такой грубой, неотесанной, невоспитанной бабой!

Евгений заметил, что некоторые присутствующие пытаются услышать их беседу. Он поймал несколько любопытных взглядов. Вероятно, выражение его лица привлекло внимание. Он потерял за собой контроль, завтра он сделается мишенью сплетен и насмешек! Купеческая дочь оплевала благородного аристократа!

В это время из соседней гостиной раздалась звуки рояля, и приятный женский голос запел популярную арию. Публика потянулась слушать певицу. Собственно, сборы от концерта и предназначались в помощь сиротам.

– Мы мешаем внимать музыке! – понизив голос, произнес Верховский. – Прошу вас, выйдем!

Он взял Астахову под пухлый локоток и вывел ее в соседнее помещение. На удачу, оно оказалось зимним садом. Хозяева не скупилась на устройство этого великолепия. Тут были и пальмы, и лианы, и диковинные цветы. Но молодых людей сейчас не трогала их красота. Если бы вокруг лежали все сокровища мира, Верховский не сразу бы их и заметил, так он был поглощен своей собеседницей. Как знать, быть может, такого шанса больше не выпадет! Надобно попытаться объясниться! Но как это сделать после подобных грубостей? Как пронять эдакую особу?

После шума гостиных, полных публики, они вдруг оказались в совершенной тишине. Только нежно журчал фонтанчик неподалеку. Лидия хотела выдернуть руку, которую князь крепко прижимал к себе. Это движение стало последней каплей, доконавшей Верховского. В слепой ярости, почти безумев и не отдавая отчета в своих действиях, Евгений стал трясти Астахову за полные оголенные плечи. Однако в ее глазах он не увидел испуга невинной девицы. Скорее любопытство естествоиспытателя. Каково оно будет? Натолкнувшись на этот бесстыжий взгляд, князь и вовсе забыл обо всем. С приглушенным рыком он опрокинул свою жертву на маленький диванчик. Послышался хруст. Мебель предназначалась для тихого созерцания растений, а не для любовных баталий.

Произошла именно баталия. Лидия пинала своего насильника огромными ножищами, изо всех сил упираясь руками в его грудь, но не кричала и не звала на помощь. Это Евгений вспомнил только потом. Панталоны превратились в кучку рваного кружева, плотный корсет трещал. Наконец, препятствия сметены, и он с жадностью добрался до вожделенной цели. Внутренняя поверхность бедер Лидии оказалась покрытой темными волосами до самого паха. Это открытие повергло Верховского в неопикуемый восторг и усилило и без того безумное сладострастие. Он овладел ею. Со стоном, хрипом, обливаясь потом, вожделея и вожделея. Казалось, ему не закончить никогда. Лидия билась под ним с молчаливым ожесточением, сопя и тяжело дыша, как все полные люди. В тот момент, когда их тела слились, она вдруг перестала сопротивляться и, обхватив Верховского за шею, впилась в его пересохшие губы. У того потемнело в глазах, и наступил последний аккорд этой какофонии.

Потом они долго сидели молча, не могли отдышаться. Верховский пытался понять, была ли изнасилованная им девица – девицей? Страсть смяла в один комок все стадии процесса, всю последовательность ощущений. Что теперь делать? Задрать платье и посмотреть на следы своего злодейства? Однако что теперь будет?

Неловкое молчание нарушила Астахова.

– Наше с вами знакомство, князь, зашло слишком далеко. Вероятно, вам придется отвечать за последствия вашего гнусного поступка!

Она с трудом поднялась и стала быстро приводить в порядок свой наряд и прическу. Перо, столь не понравившееся Евгению, сломалось и валялось на полу. Астахова подняла бранные останки своего великолепия и устало продолжила:

– Придется ехать домой, а к графине послать лакея сказать, что занемогла.

– Лидия, я готов исполнить свой долг порядочного человека. Тем более что это и есть мое желание! Позвольте просить вашей руки! – прохрипел Евгений.

– Завтра пополудни будьте у нас, – она благосклонно кивнула головой и быстрым движением уколола прическу выпавшей шпилькой. – Только не вздумайте теперь появляться на людях. У вас на лице все написано! Да и платье совсем не в порядке! Пойдите же и вы домой, да поскорее, а то скоро тут появится кто-нибудь.

С этими словами она быстро вышла в противоположную дверь. И в самом деле, удивительно, что за все это время никто не нарушил их преступного уединения. Евгений полез в карман брюк и извлек часы. Поразительно, получалось, что прошло всего минут десять! А если бы кто-нибудь из гостей, утомившись слушать пение, тоже решил бы отдохнуть среди цветов и деревьев? То-то был бы скандал! То-то пища газетным писакам! То-то крику о безнравствен-

ности современной молодежи. Да еще где? Ха-ха, на благотворительном собрании, можно сказать, под носом у почтеннейшей публики! Полиция наверняка уже была у дверей особняка!

От этих мыслей Евгению стало и весело, и страшно. Кровь забурлила, в голове застучало. А ведь он победил! Он поймал свою удачу, правда, не за хвост, а за... Стоп, стоп! Кто кого поймал? Не кричала... Сама пошла... Сопротивлялась, но не вырывалась, и это только подогревало его... Неужто его, такого ушлого и опытного, завлекла в такую примитивную ловушку простая купчиха? А ведь как тонко она поняла его! Ведь чем проняла? Видимостью неприступности! Грубостью! Тупым равнодушием! А за этим какая дикая страсть, какая чувственность!

Тем временем пение закончилось, гости зашумели. Верховский вынужден был прервать свои размышления и спешно ретироваться от постороннего взора, на ходу поправляя одежду.

Глава 5

Катерина Андреевна почти бегом ворвалась в комнату мужа. Василий Никанорович сладко почивал на диване. Лицо его прикрывала газета, чтение которой и сморило его окончательно.

– Василий! Василий, проснись!

– Что? Что такое? – спросонья Ковалевский подскочил на диване и с неудовольствием пробурчал: – Ну что так кричать, матушка! Пожар, что ли? Приехала молодежь-то? Да и будем ли мы сегодня обедать, в конце концов! Вот, не дождался и заснул, а спать на пустой желудок ох как нехорошо!

Он опустил ноги на пол и смотрел на жену, протирая глаза и трясая седой головой, точно желая сбросить с себя остатки тяжелой дремоты.

– Не до обеда. Васенька! Новость-то, какая!

– Какая новость?

– Роев наконец дозрел и сделал Наде предложение!

– Да ну! – изумился отец. Сон как рукой сняло. – И что она?

– Не знаю, заперлась у себя, вроде плачет. – Ковалевская в великом возбуждении ходила взад-вперед по комнате, обхватив себя за локти.

– Да ты сядь, ради бога! Не мечись передо мною, а то аж в глазу зарябило! Сядь, надо все обдумать!

Супруги сели рядом на диване, и повисло молчание. Невольно оба разом вспомнили прошлое, свою собственную женитьбу. Катерина Андреевна узнала о сватовстве Василия Никаноровича в кабинете отца. Старик призвал дочь и сообщил о том, что он принял решение выдать ее за Ковалевского. Жених был первостатейный, но она его совсем не знала, видела и говорила всего несколько раз. И хотя сердце ее было свободно, она испугалась и заплакала. Просто от обиды, что ее даже не спросили. Отец осерчал, затопал ногами.

– Дура, не реви! Благодарить будешь! Такой еще вряд ли сыщется!

Юная Катя не смела противиться, воспитана была строго. Но уже тогда про себя поклялась, ежели когда-нибудь у нее родится дочь, она ни за что не станет неволить ее в выборе спутника жизни. Василий оказался хорошим мужем. Они жили мирно, уважая и ценя друг друга. Однако пылкая страсть, пожар чувств остались для Кати неведомы. В душе она мечтала о романтических приключениях, тайных воздыхателях, красивом флирте. Но ни разу не решилась изменить супругу. И это при ее божественной красоте! Поэтому в свете ее считали холодной, бесчувственной, самолюбивой, надменной куклой. Но на самом деле в душе ее кипели вулканы. И Катя боялась их неведомой силы, справедливо полагая, что может не справиться со стихией страсти, и тогда рухнет устойчивый благополучный мир. Ради чего? Страсти утихают. Безумные чувства тускнеют. Любовь увядает. Любовники стареют. Поэтому всю жизнь она убегала прочь от любовных приключений, а холодный рассудок и прагматичный ум стояли на страже супружеских добродетелей. Супруги никогда не говорили о любви. И только рождение дочери привнесло в их отношения чуть-чуть больше нежности и теплоты.

Замужество Нади вызывало у Катерины Андреевны сложные чувства. С одной стороны, она искренне хотела предоставить девочке свободу выбора. Она жалела себя, что не познала пылкой и настоящей любви, и желала для дочери иного счастья. Но, с другой стороны, голос разума подсказывал ей, что Наде-то, с ее невзрачной внешностью, вряд ли стоит рассчитывать на подобный подарок судьбы. Поэтому Роев с его слепой любовью просто находка. Прожила же она жизнь с Васей, не зная забот и печалей, так и Надя проживет. Если расстанется с девичьими грезами и посмотрит правде жизни в глаза. Но как заставить ее сделать это? Да так, чтобы она не почувствовала себя несчастной и униженной?

Василий Никанорович тоже растерялся. Встретив поначалу Роева с неприкрытой досадой, он теперь души в нем не чаял. Лучшего зятя не найти. И ведь как он Надю любит, как любит! Что еще этим женщинам надо! Какого-такого принца? Вот он Катю свою полюбил с первого взгляда и всю жизнь души в ней не чаёт. А она холодна, не может простить, что не ухаживал, не возвращал в ней любовь, а сразу к отцу ее в ноги бросился. И как не броситься, боялся, что уведут красоту такую, охотников вокруг пруд пруди. Вот и поспешил. Почти уже всю жизнь прожили, а так и не дождался ни разу пылкости со стороны супруги. А почему сам не пылал? Поначалу боялся пугать, ведь почти ребенком просватана, а после, уж когда девочку родили, обидно стало. Совсем редко стал заходить в спальню жены. Чего ходить, коли не ждут? Так и заледенела душа со временем. Видать, Надька в мать, вот беда Володе, вот замается искры-то высекать!

– Ну, что надумала? Что делать будем? Уговаривать, так упрется! Пошла бы ты к ней, может, и ничего, как-нибудь, а?

Родители понимали, что Надя с ее бесхитростным восприятием мира не видит сложности своего положения. Поэтому Роев для нее только друг детства, друг семьи, дальняя родня, а вовсе не спасительная соломинка для некрасивой девушки. Но как сказать дорогой умной девочке такие обидные истины?

Катерина Андреевна с тяжелым сердцем пошла к дочери. Уже много-много раз она казнила себя, полагая, что в неярком облике девушки виновата сама мать. Беременность, как казалось Катерине Андреевне, ужасно изуродовала ее точеную фигуру, лицо украсили отвратительные пятна, волосы выпадали клочьями. Все это доставляло будущей мамаше бесконечные страдания, затмевая радость ожидания дитя. Она даже частенько оплакивала у зеркала уходящую красоту, украденную еще не родившимся младенцем. Когда девочка появилась на свет, старая нянька, вырастившая еще и саму Ковалевскую, покачала головой и удрученно проворчала:

– Вот, пожалела мать своей красоты для девки!

Этот укор устами старой и бесхитростной женщины Катерина Андреевна носила в душе как ледяной камень, тайно угрызаясь и вина себя в глупом себялюбии.

Надя встретила мать внешне спокойно. Она ходила по комнате в одном белье, расчесывая толстую косу.

– Давай, я помогу тебе, – Катерина Андреевна ловко управлялась и со своей роскошной гривой, и с волосами дочери.

Надя села перед зеркалом. Всякий раз, когда они оказывались рядом, зеркало печально констатировало неизбежное преимущество пусть увядающей, но красоты старшей Ковалевской.

– Я знаю, что вы хотите мне сказать, мамочка! Что таким уродинам, как я, надобно хватать любого жениха и благодарить Бога за удачу. Ведь так?

Мать согласно вздохнула.

– Но почему обязательно замуж? Разве женщине суждена только роль жены и матери, разве она не способна приносить пользу обществу другим путем?

– Способна, способна! Те, которых никто замуж не взял и господь им не дал семейного счастья, вот они, бедняжки, и пытаются найти себя на другом поприще!

– Маман, вы знаете много достойных дам, чья жизнь не ограничивается семейным кругом!

– Конечно, моя дорогая, но прежде чем заняться общественной деятельностью, они уже исполнили предназначение, данное им Богом. Я уверена, что Владимир Иванович – человек, несомненно, прогрессивных взглядов в женском вопросе – не станет чинить тебе препятствия, коли ты пожелаешь...

– Мама, вы говорите о Володе уже как о моем женихе! Но ведь я еще ничего не решила! – Надя резко тряхнула головой, готовясь к жаркому спору.

– Полно, полно, дружок, не кипятись! – миролюбиво промурлыкала мать. – Не хочешь, никто насильно тебя под венец не погонит! Только ты, прежде чем отказаться, подумай сто раз! И дело ведь не только в том, что не будет толпы женихов у наших дверей. Ведь Роев и впрямь редкая удача, потому что он на жену смотрит не как на красивый и дорогой предмет в доме, а как на человека. Ведь он душу твою любит, он личность твою уважает, а это совсем не часто среди мужей бывает!

– Разве папенька вас не слушает и не уважает? – удивилась Надя.

– Именно потому, что мой муж всегда ценил мое человеческое достоинство, я того же хочу и для тебя!

– Мамочка, но я не люблю Володю так, чтобы выйти замуж! Я много думала, представляла себе, как я могу полюбить! Аж дух захватывает! Нет, Володя это совсем не то, не то!

Катерина Андреевна с испугом увидела в глазах дочери опасный огонь. Тот огонь замороженной страсти, которую она душила в себе всю жизнь! Вот из какого сосуда вырвется этот неуправляемый джинн!

– Послушай меня, детка! То, о чем так красочно пишется в романах, в жизни редко бывает, а чаще и вовсе не бывает! Потому и пишут! Невероятные, неземные страсти иногда случаются, но на то они и страсти, чтобы, как огонь, спалить все дотла! А подлинная любовь, это тихое, но постоянное горение, как огонь в лампадке. И днем и ночью, всю жизнь!

– Значит, мамочка, вы не любили страстно папу, когда выходили за него? – Надя спросила, и ей стало стыдно за свой нескромный вопрос.

Катерина Андреевна предполагала, что ей придется услышать нечто подобное. Она вздохнула и, стараясь говорить как можно более спокойно и уверенно, ответила:

– Конечно, наш брак стал союзом прежде всего разумных и уважающих друг друга людей. Но при этом нельзя сказать, что мы с твоим отцом не любим друг друга. Просто, мы... мы... – она запнулась, почувствовав фальшивость в интонации своего голоса.

– Разве вам никогда не было жаль, что ради вас не сходили с ума, не жертвовали жизнью? Разве вам в ту пору, когда вы были так же молоды, как я, не хотелось любви так, что и думать о другом невозможно?!

Ковалевская растерялась. Сказать правду страшно и стыдно. Солгать – еще страшней, Надя проницательна – поймет.

Катерина Андреевна тяжело опустилась на стул рядом и в задумчивости провела рукой по и без того гладкой прическе.

– Что греха таить, и мне иногда хотелось любовных приключений! Но я была замужем и свято выполняла свой долг! А если бы я пошла на поводу своих инстинктов, во что бы превратилась наша семья, наш дом, жизнь твоего отца, твоя жизнь? Когда человек молод, он грезит любовью, какими-то необычайными чувствами. Но проходят годы, появляются мудрость и жизненный опыт, который, увы, подсказывает, что в жизни много прозы, и эта проза диктует свои правила игры. И тот, кто продолжает грезить наяву, обречен на жизненный крах. А для женщины это особенно опасно!

Надя отвернулась от матери. Подступили непрошеные слезы. Все это она и сама говорила себе сто раз. Мама права. Но как расстаться со своим миром, надеждами, сказочными картинами неожиданного знакомства, романтического ухаживания, трепетной нежности?! Вместо всего этого – скучный Роев, которого она знала вдоль и поперек. Что он говорит в тех или иных случаях, как смеется, как ест, ходит, какие предпочитает костюмы, книги. Нельзя сказать, что все это ей было неприятно или раздражало. Нет. Но и не вызывало душевного волнения. Неужели все закончится, так и не начавшись? Ее коротенькое девичество? Ведь со свадьбой Володя наверняка поспешит!

– Мама, пожалуй, я побуду одна, не обижайтесь и скажите папа[^], чтобы не волновался. Ему нельзя нервничать.

Катерина Андреевна расценила эту фразу как обнадеживающую и быстро вышла из комнаты дочери. Ночь семья провела без сна. Василий Никанорович за полночь постучался в спальню жены, чего не делал давненько. Они шептались, ворочались и охали до рассвета, и только под утро их сморила усталость. Конечно, не спала и виновница переполоха. Не закрывая глаз, она пролежала на своей кровати, свернувшись калачиком, в тяжелых раздумьях. Невозможно расстраивать родителей. Они желают ей только добра и, вероятно, где-то правы. А что если не произойдет чуда великой любви и не явится долгожданный избранник? И разве это не грех, разве не жестоко отказать человеку, к которому эта самая великая любовь уже пришла? Отшвырнуть его чувство, растоптать? Каково было бы ей в подобной ситуации? Бедный, бедный Володенька! Как ей не хочется его обижать! Верно, тоже не спит, мучается неизвестностью, терзается страхами! А вдруг откажут, да еще где, в доме, в котором к нему относились как к родному! Стало быть, принести в жертву, как говорит маман, грезы любви? Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Да и изловит ли она своего журавлика? Помыслы о земской службе тоже могут обернуться сущей химерой. Тоскливое безденежное существование среди убогих нищих неграмотных крестьян и их чумазой ребятни... Господи, помоги, образумь, подскажи правильное решение!

Так мучилась бедная девочка. К утру решение было принято, и она забылась тяжелым сном.

Глава 6

– Не может быть! Это просто удивительно! – восклицала княжна Татьяна Аркадьевна, узнав о том, что дело с девицей Астаховой пошло на лад. – И как же тебе все-таки удалось?

Разговор происходил в комнатах князя, обставленных самой изысканной мебелью, украшенной гобеленами, картинами в тяжелых рамах, изящными лампами и зеркалами, отражающими облик их несравненного владельца.

– Я показал ей самые заманчивые стороны этого брака, – ухмыльнулся Евгений, орудуя пилочкой для ногтей. В ворота распахнутой рубашки виднелась широкая мускулистая грудь. Даже папильотки в волосах не портили мужественного облика, придавая ему оттенок необычности и шарма. Княжна невольно залюбовалась своим милым мальчиком. Но последние слова заставили ее встрепенуться и подскочить, как от неожиданной боли.

– ?

– Она оценила их по достоинству. Да вы не беспокойтесь, дорогая тетя! – добавил Евгений, видя, как тетка залилась пунцовой краской. – Завтра все пойдет как по маслу.

Однако сам Верховский до конца не имел уверенности в благополучности исхода этой невероятной истории. Дикая сцена в доме графини стояла у него перед глазами, он снова и снова переживал все свои ощущения. А вдруг как дадут от ворот поворот да еще высмеют каким-нибудь грубым, хамским образом? Что тогда? Ну, тогда девица Астахова станет предметом самых грязных, низких сплетен, уж он постарается!

С такими мыслями о будущей суженой князь отправился свататься. Княжна не могла оставить своего питомца в одиночестве в такой ответственный момент и выразила желание сопровождать его.

– Князь и княжна Верховские! – торжественно провозгласил лакей в раззолоченной ливрее. Евгений вздохнул и на секунду зажмурился. Да и было от чего жмуриться! Все в этом доме сверкало, горело и блестело невероятным богатством и безвкусной роскошью. Двери распахнулись, и гости вступили в аляповатую гостиную. Хозяева, их дочь, а также родня и домашние приживалы, вероятно, уже давно томились в ожидании жениха. По красной физиономии отца Евгений понял, что тот уже пропустил с утра рюмочку, для храбрости. Еще бы, не каждый день князья дочку сватают! Мамаша барышни, круглая приземистая женщина, от волнения быстро хлопала выпуклыми глазами.

«Вот ты в кого такая уродилась, моя красавица!» – отметил про себя счастливый соискатель руки и сердца.

– Добро пожаловать, ваша светлость! Великая честь для нас принимать таких знатных господ в нашем скромном доме! – приветствовал гостей Астахов.

Верховские с достоинством поклонились и расселись в предложенные кресла. Князь встретился взглядом с Лидией. Выражение ее лица было спокойное, даже отстраненное.

– Не угодно ли чаю? – стараясь быть как можно любезнее, произнесла хозяйка. И тотчас же заметалась прислуга. Внесли серебряные подносы с чайниками, чашками и щедрым угощением. Горой лежали пирожные, свежайшие булочки от Филиппова, а также красовалась бутылка мадеры. Хозяева с удовольствием принялись поглощать все это гастрономическое великолепие. Княжна очень нервничала, так что с трудом проглотила первый кусочек. Возможные будущие родственники повергли ее в ужас безвкусием своих нарядов, невероятным изобилием дорогих украшений и нелепостью причесок. Сама себе княжна казалась просто воплощением аристократизма в этом диком собрании. Она с жалостью думала о том, как мучительно Евгению разглядывать свою избранницу, эдакое чучело, сидевшее напротив него с чашкой чая

и оттопыренным пальцем, на котором играл огнями огромный бриллиантовый перстень. Евгений же и бровью не повел, он казался собранным и сосредоточенным на важном деле.

Откушав чаю, хозяин наконец спросил:

– Чем обязан, господин Верховский? Какая цель привела вас и вашу драгоценную тетушку в наш дом?

Купец лукавил. Он знал о цели визита, но надобно же подтолкнуть молодого человека, а то как передумает да, не дай бог, сбежит!

Евгений торжественно встал и произнес речь, которую продумал заранее.

– Почтеннейший Матвей Сидорович! Позвольте мне, в присутствии вашей многоуважаемой супруги, а также всех господ родственников, которых вы пригласили в столь знаменательный день, просить руки дочери вашей Лидии Матвеевны! Эта достойная во всех отношениях особа так поразила все мое существо, что я не мыслю продолжения своей жизни без того, чтобы не сделать ее своей супругой!

– Что скажешь, дочка? – купец повернулся к Лидии, широко улыбаясь. Ответ уже светился в его взоре.

– На все ваша воля, папенька, – потупилась девица и даже не покраснела, чем невероятно удивила Верховского.

– Ну, тогда с Богом, дети мои, с Богом! Даю вам мое родительское благословение!

Что тут началось! Тотчас же явилась икона, которой счастливый отец благословил дочь и ее избранника. Мамаша завyla, родня бросилась поздравлять молодых. Каждый норовил облобызаться с новым знатным родственником. Снова появились подносы, но уже с бокалами и шампанским. Верховский наконец оказался около невесты. Она, раскрасневшись после выпитого вина, жарко прошептала:

– Завтра, часиков в пять, жду вас, мой ненаглядный князь!

Евгения оторопъ взяла, такой чувственностью дохнуло от невесты. Верховский готов был хоть в тот же миг с нею уединиться, но приходилось соблюдать условности и приличия.

Княжна, тем временем, изнемогала. За все время визита она вымучила из себя несколько любезностей и иссякла. Она все чаще и чаще бросала жалобные взгляды на племянника. Но мучилась Татьяна Аркадьевна не только от общения с будущей новой родней. Тяжелые тучи ревности нарастали внутри, мрачное предощущение утраты любимой игрушки съедало душу старой девы.

Наконец гости откланялись и сопровождаемые хозяевами до самого экипажа тронулись домой. Всю дорогу Евгений торжествовал и возбужденно жестикулировал. Татьяна Аркадьевна демонстративно куксилась и поджимала губы. Племянник, конечно, давно заметил ее ужимки, но ему не хотелось неприятного разговора после такой удачи. Но так как тетушка продолжала отмалчиваться, что было ей совершенно несвойственно и являлось признаком крайне неблагоприятным, он, наконец, спросил:

– Я не пойму, тетя, вы недовольны выбором? Но ведь вы сами ее нашли! Что повергает вас в такую тоску?

– Мне пришла на ум печальная мысль, мой дорогой, – отвечала княжна по-французски. – Вероятно, кто бы ни была твоя будущая жена, мне тяжело уступить тебя ей. Ты же знаешь, что ты для меня значишь, как я обожаю в тебе все! И твои добродетели, и твои пороки!

В голосе княжны появились опасные истерические нотки.

– Ну, ну, – Евгений поцеловал тетку в лоб. – Ничего не изменится, ровным счетом ничего. Клянусь!

Они выразительно посмотрели друг на друга. В глазах Татьяны Аркадьевны заиграли странные огоньки. Однако, проводив княжну, Евгений не остался дома и поспешил с визитами к приятелям, чтобы самому поведать о выгодном сватовстве.

На следующий день, согласно уговору, Верховский явился в дом Астаховых.

– Хозяина нету, а барыня почивает, – сказал лакей. – Прикажете провести вас к барышне?

Евгений нетерпеливым шагом устремился к вожаемой добыче. Лидия уже поджидала жениха. Она бросилась к нему и вместо приветствия впиалась своими губами в его рот. Верховский даже и слова вымолвить не успел, как его руки уже изучали тело Астаховой. Она основательно подготовилась к его приходу. Под широким пеньюаром не наблюдалось ничего, что бы могло замедлить процесс взаимного сближения. Верховский, трясаясь от возбуждения, сорвал тонкую ткань с полных плеч. Она бесшумно и медленно скользила, открывая восторженному взору объект чувственных мечтаний. Действительность превзошла ожидания молодого, но искушенного повесы. То, что предстало его взору, заставило исторгнуть животный вопль. И словно все его фантазии воплотились в жизнь. Вот она, вожаемая грудь, эти крупные вишневые соски! Он лобызал их, кусал, мял и не мог оторваться. Его лицо утопало в этой упоительной мягкости тела. Одного вида этих грудей и прикосновения к ним оказалось достаточно, чтобы начался бурный процесс извержения бесценной жидкости, которой Верховский измазал тело и лицо Лидии. Девушка стонала и охала, прижималась к нему жарким телом и осыпала иступленными поцелуями. Однако долго находиться одни они не могли. Мамаша вот-вот поднимется с послеобеденного сна, папенька явится, захотят поздороваться с дорогим женихом. Поэтому решено было пока остановиться на полпути. Евгений ушел в состоянии, близком к умопомешательству. Дома же, слегка поостыв, он печально констатировал сам для себя, что его порочное стремление к уродству только возросло.

Тем временем началась кутерьма и суэта, присущая любимым семьям, в которых готовятся к свадьбе. Первым делом молодые должны были определить местечко, где будут вить свое гнездышко. Дом князя подходил для этой цели наилучшим образом. Количество комнат хватило бы и на проживание более многочисленного семейства. Но куда деть Татьяну Аркадьевну? Останется ли она жить с молодыми или переселится в другое жилище? Для будущей жены этот вопрос не вызывал сомнения. Ей не нравилась старая дева, хотя та не причинила Лидии никаких неприятностей. За исключением одной – неразумно подчеркнула свою роль в поисках невесты для драгоценного племянника. Почему-то именно это обстоятельство более всего и раздражало Астахову. Точно товар в лавке выбирали! А ведь она считала, что ее собственная хитроумная стратегия привела к ней такого видного жениха. Угроза быть разлученной со своим воспитанником всерьез нависла над злополучной княжной.

– Лидия, будь милосердной, тетя прожила в этом доме даже более лет, чем я! – горячился Евгений. – Здесь прошла ее жизнь, как же я могу выставить ее вон!

– Отчего же вон! Она может выбрать себе любую квартиру в Петербурге, которую пожелает! Впрочем, – надменно продолжила Астахова, – мы сами можем переехать в самые роскошные апартаменты!

– Дело даже не в квартире, а в том, чтобы она жила подле нас! Ей тяжело будет совсем одной! Она не перенесет этого!

В этом Евгений не лукавил. Да и Лидия уже имела возможность убедиться в правоте его слов. Княжна, услышав, что ей дальше придется куковать одной, сначала залилась слезами обиды. Затем сцена плавно перешла в истерику, и кульминацией явился подлинный обморок. Все это представление повергло Лидию в совершенное недоумение. Ведь ее папаша и мамаша не бьются в истерике оттого, что их единственная дочь и наследница будет проживать теперь под другой крышей! И пусть бы пожила своей жизнью, а не жизнью племянника, глядишь, может, напоследок и на нее бы нашелся хоть какой-нибудь женишок! Вдовец или увечный, да мало ли чего в жизни не бывает!

В конце концов сговорились, что на первых порах тетушка поживет с молодыми, а там как Бог даст.

День венчания Верховский потом вспоминал с особо неприятным чувством. Сбылись самые худшие его опасения. Родня невесты представляла собою просто карикатурное зрелище, впрочем, как и сама новобрачная, несмотря на отчаянные попытки княжны облагородить ее подвенечный наряд и внести некие нотки аристократизма. Огромное декольте платья украшалось невероятным количеством драгоценных камней, как, впрочем, и другие части наряда. Вероятно, их можно было отмерять пригоршнями на весах, так их оказалось много. Немыслимое количество оборок, складок, водопад фаты из тюля – все это делало Лидию просто необъятной. Верховский совсем потерялся на ее внушительном фоне. Во время церемонии Татьяна Аркадьевна подносила платочек к покрасневшим глазам, шляпка на ее голове без конца жалобно вздрагивала. Гости со стороны жениха понимающе переглядывались. Нелепый вид будущей княгини Верховской вызывал насмешки. Однако некоторые качали головой с заговорщицким видом. Они-то знали, сколько взял за женой этот ловкий молодой человек! Игра стоила свеч!

После церковной церемонии молодые, родня и гости двинулись в ресторан купца Палкина на Невском проспекте. Надо ли говорить, что вино лилось рекой, столы ломились от яств, гремел оркестр, а новобрачные устали целоваться прилюдно под пьяные крики «горько!» Евгений уж и не чаял, что все это когда-нибудь завершится. Завершилось. И вот они одни. Горничная помогла новоиспеченной княгине Верховской снять подвенечный наряд и, пожелав доброй ночи, поспешно удалилась, потому как молодой супруг уже два раза подходил к дверям спальни, скоро ли?

Брачная ночь повторила все прежние баталии. Дом огласился стенаниями и воплями, звериным рыком и хрипом. Евгению пришлось туго. Молодая жена оказалась ненасытной. Она скакала на нем, как в седле, а принимая в расчет ее необъятные телеса, муж мог легко оказаться раздавленным или задушенным меж любимых им грудей. Сколько раз он ходил в атаку, Евгений и сам запутался. Только наконец оба обессилели и заснули в широченной постели, сделанной по специальному заказу. Сон молодых был глубок, и ничто бы их не пробудило. Они не слышали легкого скрипа двери и не видели, как в спальню прошмыгнула маленькая фигурка Татьяны Аркадьевны. Всю брачную ночь племянника старая дева провела у специального невидимого глазка, аккуратно напротив постели. Она видела и слышала все и последовательно прошла все стадии процесса так, как если бы сама находилась в жарких объятиях ненаглядного Евгения. Она приблизилась к супружескому ложу и прикоснулась к мужскому естеству новобрачного. Евгений замычал и во сне обнял жену. Княжна отпрянула и выскользнула из спальни с блуждающей улыбкой.

Глава 7

Как и предполагала Надя, Роев действительно провел ночь без сна. Он даже и не пытался заставить себя прилечь. Какой смысл вертеться в постели? Владимир предпочел мерить шагами кабинет. Старый камердинер только качал головой, глядя на молодого барина.

– Захарий, ты не томись вместе со мной, а поди к себе. Если надо, позвоню. А я уж, видно, не засну сегодня, нет, не засну!

На следующий день Владимир Иванович, одевшись с особой тщательностью, что вообще было свойственно его натуре, поехал к Ковалевским. Лошадь бежала легкой рысью, Владимир и не погонял ее особенно. Он жаждал ответа и страшился его. Ежели откажут? Ужасно, ужасно будет стыдно, нелепо, причем абсолютно всем, ведь он не чужой в доме! Но почему могут отказать, вот вопрос! Молода, неопытна, наивна! Испугалась девочка, смутилась! Он, он виноват! Не утерпел, поторопился! Ребенок она еще совсем! Господи, но ведь именно это и делает ее такой притягательной, такой желанной! Именно чистота и искренность девушки, ее ясный ум и бесхитрость затмевали в глазах Роева отсутствие ярких внешних данных избранницы. Удивительно, но он совсем не испытывал к ней физической тяги, он даже мысленно не представлял себе ничего подобного, хотя имел определенный опыт отношений с женщинами. С тех пор как Надя превратилась из ребенка в девушку, женщины вообще перестали для него существовать. Была только одна женщина, и только ее хотел он привести в свой дом законной женой. Если Владимир Иванович и позволял себе мечтания, то далее невинного поцелуя, пожимания ручки его фантазия не уносила. Так если откажут? Что ж, он готов ждать. Год, много лет, всю жизнь!

Владимир вздохнул и пошевелил вожжами. Кобыла побежала резвей, ей видать самой надоело плестись нога за ногу. Вот показалась за поворотом усадьба Ковалевских, старый добротный дом с большим садом. Уже подходя к крыльцу, Владимир Иванович в нерешительности притормозил. Сейчас он откроет дверь, и что ожидает его там? Возможно, жизнь его переменится, но в какую сторону? Господи, помоги и помилуй! Роев быстро перекрестился и, вздохнув, взялся за ручку двери. Сколько раз потом он вспоминал этот момент, с которого жизнь и впрямь пошла туда, куда он и не предполагал!

Милая молоденькая аккуратная горничная в наkolке провела Владимира Ивановича в гостиную. И тотчас же появились хозяева.

– Здравствуйте, здравствуйте, голубчик Владимир Иванович! – нарочито бодро произнес Ковалевский. Жена его протянула руку для поцелуя почти без улыбки. Она поцеловала Владимира в лоб, крупные камни в ушах приветственно качнулись.

«Поцеловала, точно покойника. Откажут!»

– Я, Василий Никанорович, нынче по важному делу к вам, – начал Роев, не совсем уверенным голосом.

– Что ж, давно пора! – добродушно произнес Ковалевский. – Вероятно, мы догадываемся с Катериной Андреевной, о чем пойдет разговор. Впрочем, извините, что перебил!

Роев набрал воздуха в грудь и сказал:

– Вы знаете, как я люблю и почитаю ваше семейство! Родней вас, мне кажется, нет никого на свете! Однако к дочери вашей Надежде Васильевне я питаю, и заметьте, очень давно, гораздо более сильные чувства, нежели дружеские или родственные. Я люблю Надю, и вы с вашим жизненным опытом, верно, уже давно догадались, в чем тут дело!

Последние слова были произнесены в адрес Ковалевской. Потому как супруг ее вовсе не отличался особой наблюдательностью в таких тонких материях.

– Я достаточно обеспечен, тружусь не покладая рук и уверен, что могу дать жене и будущим детям достойное существование. Поэтому без лишних слов прошу у вас руки вашей дочери!

Василий Никанорович с трудом усидел до конца речи. Он вскочил и принялся пожимать руку Роеву и обнимать его. Жена же его издала то ли вздох, то ли всхлип. От этого звука у Владимира свело в животе.

– Голубчик, мы-то рады, рады необычайно! Вы для нашей дочери самый что ни на есть подходящий жених! – При этих словах Ковалевский поперхнулся, так как понял, что сказал лишнее. Но тотчас же быстро продолжил:

– Однако Надя пусть решает все сама! Мы ее неволить не будем!

– А что же Надежда Васильевна? – робко спросил Владимир.

– В том-то и дело, что секрет. Не выходила еще. Придется вам, мой дорогой, еще немножко помучиться неизвестностью. Не подать ли пока чаю или кофею?

– Пожалуй! – уныло согласился Роев, подумав о том, что в это утро он даже не смог заставить себя позавтракать.

Тем временем горничную послали узнать, встала ли барышня и когда выйдут. Девушка быстро вернулась, сказав, что будут через полчаса.

– Я сказала, что и вы, господин Роев, уже пожаловали! – заявила она с легким поклоном хорошенькой головки.

Полчаса показались Владимиру вечностью. Разговор не клеился, то и дело повисала пауза. Катерина Андреевна, мастерица светских бесед, и та оказалась не на высоте. Но вот раздался легкий топот летних туфель, и в гостиную вошла Надя. Она была бледна и сосредоточенна. Напряженный вид присутствующих окончательно ее смутил и расстроил. Однако она взяла себя в руки и, улыбаясь, подошла поздороваться с родителями. Когда девушка приблизилась к Владимиру Ивановичу и подала ему руку для поцелуя, Роев замер.

– Я знаю, вы ждете ответа. Оттого приехали так рано. С моей стороны будет глупо и нечестно томить вас неизвестностью.

В комнате повисла напряженная тишина. Катерина Андреевна, стиснув кулачки, горячо молилась про себя, чтобы Господь помог дочери сделать правильный выбор. Роев не думал ничего. В какой-то момент ему показалось, что внутри его прекратилась всякая жизнь, перестало биться сердце, остановилось дыхание.

– Вы, Владимир Иванович, очень достойный человек! Вы оказали мне своим предложением большую честь! – сбиваясь, продолжала Надя.

«Все, это конец!» – мелькнуло в голове у молодого человека.

– И... и я согласна!

Роев не верил собственным ушам. Несколько мгновений он оторопело смотрел на девушку. Надя смутилась еще больше. Неужели он не рад? Наконец оцепенение спало, и Владимир Иванович, не стесняясь присутствия родителей, пылко обнял Надю и звонко расцеловал ее.

– Благодарю! Благодарю вас за счастье, которое вы мне подарили вашим согласием!

Родители тоже вскочили и бросились к молодежи. Катерина Андреевна с большим чувством облобызала будущего зятя:

– Какие мы с тобой богачи, Василий Никанорович, у нас теперь и дочка, и сын, да какой еще сынок, всем на зависть!

Потом последовал шумный семейный завтрак, за которым более всего был слышен голос будущего зятя. Роев не мог прийти в себя от свалившегося на него счастья. Он поминутно искал глазами Надю, и ему было чуть-чуть досадно, что она не испытывает такого же ликования, как и он. А Надя помалкивала, иногда улыбалась и... сторонилась своего избранника. Она

умышленно садилась от него в уголок подальше или рядом с матерью. Но так, чтобы Роев не мог оказаться слишком близко: пожать ей руку или завладеть кончиком пальца.

На прогулку тоже поехали все вместе, и даже Василий Никанорович, который последнее время предпочитал «гулять» в гамаке или на садовой скамейке. Первый раз в жизни Надя шла под руку с Владимиром не просто так, а со значением. Невеста с женихом!

Роев ее даже смешил, он казался ей словно пьяным. Маман деловито обсуждала вопросы, связанные с венчанием и жилищем для будущей семьи. Владимир Иванович с жаром откликался на эти вопросы, проявив завидную житейскую мудрость, обычно молодым людям несвойственную. Это еще более окрылило родителей, не страшно отдавать совсем юную девочку вполне зрелому и разумному мужу. Надя поддерживала разговор по мере сил. Ее больше волновал момент нынешнего прощания. Ведь наверняка Владимир захочет поцеловать ее, ведь как жених он имеет на это право. И этот поцелуй очень волновал девушку.

Действительно, отужинав с Ковалевскими, Владимир решил откланяться. Ему очень не хотелось покидать этот дом, да еще в такой торжественный день! Однако на другой день неотложные дела ждали молодого чиновника в столице. Теперь Роев собирался воротиться дней через десять. Мысль о разлуке казалась ему просто нестерпимой, однако он твердо обещал невесте писать из Петербурга каждый день. И с нее требовал обещание отвечать на свои послания.

– Да что же я буду писать вам, дорогой Владимир Иванович, каждый день? – простодушно подивилась Надя. – Ведь у нас тут и не случается ничего, и новостей-то никаких не бывает! А если что и бывает, так разве это новости? То дворник напился, то чужая собака забежала...

– Надя, Надя, – укоризненно покачала головой мать. – Ну, разве о тутошних новостях Владимир Иванович просит тебя писать? Нет, конечно! Он хочет, чтобы ты писала ему о себе, своих мыслях, чувствах, о вашей будущей жизни. Впрочем, время уже позднее, на дворе совсем темно, пойди проводи господина Роева до коляски.

Надя послушно последовала за женихом. Вечер выдался теплый, ласковый. Листья деревьев замерли в неподвижности, ветер совсем стих. В ночной тишине тоненько пищал комар-кровопийца. Над головой молодых людей, стоявших на крыльце, ярко горел фонарь. Они молча вдыхали запах цветов, волнами наплывавший из сада. Коварный комар все-таки сел девушке на лоб и уже изготовился пить юную кровь, как тут его настигла смерть. Легким хлопком Роев уничтожил вампира. Этот дружеский жест заставил Надю вздрогнуть.

«Ну вот, сейчас!»

И действительно. Комар оказался только поводом, чтобы притронуться. Владимир нежно, но решительно привлек ее к себе и осторожно прикоснулся своими губами к нежным губкам Нади. Она зажмурилась, и это еще больше умилило Роева. Он поцеловал ее тихонько, нежно, трепетно.

– До свидания, моя обожаемая, моя любимая девочка, моя Наденька! – прошептал Владимир.

Надя осторожно выдохнула и открыла глаза. Оказалось, не так противно, как она ожидала. Но не о таком поцелуе она мечтала! Что ж, конец воздушным замкам и грезам о сказочном принце. Это будет просто Роев!

Глава 8

Если бы князь Верховский мог заглянуть вперед и увидеть свою жизнь после свадьбы, он не сомневался бы ни секунды и обошел бы дом Астаховых за версту! Но не дано человеку предугадать последствия своих непродуманных поступков. Нет, конечно, они с тетушкой посчитали все до мелочей, упустив из виду самое главное – самую молодую княгиню Верховскую, в девичестве купеческую дочь. Предполагалось, что обобранная своим мужем до нитки, бессловесная и безропотная, она будет существовать как-нибудь сама по себе, не причиняя своим присутствием никакого беспокойства супругу. За это она получает титул и право называться княгиней, восседать с важным видом в гостиных своих знакомых, театре и прочих местах, где можно демонстрировать свою причастность к знатной фамилии.

Все вышло совершенно не так, как рисовал Евгений в своем сознании. Вмешалось его дикое необузданное чувственное влечение, которое он поначалу испытывал к жене. И это обстоятельство сбilo с толку Лидию, которая вообразила, что муж и впрямь увлечен ею настоящим. Горделиво рассматривала она себя в зеркало, смеясь, рассказывала мамаше и подружкам, как посрамлены худосочные светские львицы. Каждый день из модных магазинов доставлялись платья, шляпки, туфли, нарядное белье, и все это она с упоением громоздила на свое бесформенное тело, наивно полагая, что тем самым делает себя еще более привлекательной в глазах мужа.

А Верховский вскорости остыл, как остывал всегда, насытившись определенными физическими ощущениями. Только прежние его увлечения исчезали тотчас же, а это продолжало находиться рядом и, что совершенно немыслимо, и впрямь возомнило себя частью его жизни. Евгений совершенно искренне удивился, когда однажды жена, не дождавшись его домой, устроила допрос, как в полицейском участке, а потом залилась слезами и попыталась вновь привлечь в свои объятия. Князь тогда обошелся с Лидией очень грубо, просто выгнав жену в свои комнаты, запретив впредь совать нос в его жизнь. Он полагал, что этой порки будет достаточно, но княгиня не унималась. Жизнь княжеской семьи стремительно менялась.

По желанию новой хозяйки обновилась обстановка дома, изменилось меню, получила расчет прислуга, которая, как ей казалось, была с ней непочтительна и не желала признавать в новой хозяйке именно княгиню, а не купчиху. Князь пытался сопротивляться, но вопреки его желанию дом быстро приобрел черты жилища купца Астахова, с его безвкусной и аляповатой роскошью. Блюда, подаваемые на княжеский стол, могли повергнуть в ужас изысканного гурмана и эстета. Татьяна Аркадьевна демонстративно заказывала себе еду отдельно, ибо Лидия не пожелала прислушиваться к ее мудрым советам по ведению домашнего хозяйства.

– Что может советовать эта старая облезлая курица? – искренне недоумевала Лидия. – Я сама себе хозяйка, и она мне не указ! А не нравится, так милости просим за дверь, дорогая тетушка! Никто удерживать не станет!

Эту пылкую речь Лидия произнесла перед мужем, а верная горничная княжны, в обязанности которой входило подслушивать и подглядывать, передала хозяйке все слово в слово. С той поры старая дева замкнулась в своих комнатах, где лелеяла свои обиды.

Между тем молодая княгиня не ограничилась рамками домашнего хозяйства. Она пыталась сопровождать драгоценного супруга всегда и везде, чтобы все столичное общество могло позавидовать женитьбе Верховского. Евгений оказался бессилен заставить Лидию сидеть дома. Точно снаряд, она врывалась в гостиные его знакомых, повергая в недоумение и оторопь громкоголосыми и безапелляционными рассуждениями о материях, в которых не смыслила ровным счетом ничего. Мужская половина рассматривала Лидию как диковинное животное. Дамы закатывали глаза, дивясь ее нарядам и манерам. И все вместе они судачили о князе, который либо ума лишился, либо отхватил такой куш за женой, что невозможно себе и представить!

Удивительно, но Лидия не замечала кривых взглядов и насмешек. Она простодушно купалась в своей новой роли знатной светской дамы, и эта роль доставляла ей неизъяснимое наслаждение. Евгений поначалу терпел, надеясь, что в скором времени ему удастся осуществить свой замысел. Однако очень скоро он со страхом понял, что жена ему не подчинится, не уйдет в тень. Более того, в один прекрасный день Евгений узнал, что документы на приданое дочери умный купец составил таким образом, что муж не мог безраздельно тратить все деньги. Лидия оставалась единоличной владелицей значительного капитала и недвижимости. Эта новость Евгения просто убила. Он не мог поверить, что его так ловко провели, что он сам не удосужился вникнуть во все эти чертовы бумаги!

А Лидия, видя, что любовный пыл молодого мужа с каждым днем угасает, приуныла, решив, естественно, будто у нее появилась соперница. Для начала она выставила вон всю маломальски смазливую прислугу. Затем принялась следить за каждым шагом мужа, читать его корреспонденцию, обнюхивать одежду, выспрашивать и выглядывать все, что только можно. И вот однажды, проведя полночи в злобном ожидании Евгения, она услышала некий шумок в доме, что обычно означало его появление. Будучи грузной, Лидия не могла передвигаться по паркету бесшумно. На половине князя оказалось пусто, зато она почуяла запах его одеколona, проходя анфилады комнат. Значит, он тут, дома, явился, но не пошел к жене, полагая, что та давно уже спит. Тогда где же он? Что-то скрипнуло. Княгиня замерла на одной ноге. Ну конечно, он пошел к этой ведьме, своей тетке!

Лидия на цыпочках, затаив дыхание, подкралась к дверям Татьяны Аркадьевны, приоткрыла дверь в небольшую гостиную, никого, оттуда – в будуар и оторопело замерла с открытым ртом. Поначалу она даже и не поняла, что к чему. Не часто можно лицезреть в собственном доме отвратительные картины противоестественной связи! Когда же способность мыслить к ней вернулась, Лидия завизжала и бросилась вперед, сметая все на своем пути. Стулья, пуфик со спящей моськой, которая с перепугу упала и завyla, одежду и самих преступников, застигнутых врасплох. Она била их ручищами куда попало, рвала зубами, хватала за волосы. Княжна верещала, пытаясь найти спасение среди перевернутой мебели, но разбушевавшаяся фурия настигала ее везде, колотя, как цыпленка. Верховский, испугавшись в первый момент, однако быстро опомнился, и вид этой дикой оргии только усилил его плотоядные чувства. Он уловил момент, навалился на жену с огромной подушкой, чуть придушил ее, а когда она захрипела и стала синеть, овладел с особым удовольствием на глазах у побитой Татьяны Аркадьевны.

Выяснение отношений между родственниками на следующий день носило самый драматический характер. Судьба старой потаскухи, как теперь именовалась княжна, решила очень скоро. Она отправлялась на проживание в загородный дом, доселе пустовавший, с приказом никогда не показываться на глаза. Но что делать с развратником-мужем? Поначалу Лидия хотела спозаранок бежать со своим горем в родительский дом, но вовремя опомнилась. Слишком страшной оказалась тайна, чтобы выносить ее за порог. Оставался один путь, пусть каждый живет своей жизнью. Верховский тайно ликовал, ведь именно этого он и добивался! Однако практичная жена мстительно внесла коррективы в его планы. Итак, князь живет как хочет, но... по тем средствам, которые она соблаговолит ему выделить! Эдакая веревочка, за которую княгиня будет дергать в свое удовольствие! Что оставалось Верховскому?

Супруги составили некое соглашение о раздельном проживании и разъехались в разные стороны. Верховский предался прежнему образу жизни, а молодая княгиня, потрясенная пережитым, пустилась во все тяжкие. Бульварные листки столицы с особым удовольствием публиковали грязные сплетни о ее похождениях. Время от времени она дергала за веревочку, и злополучный супруг предстал перед ее очами. Ей доставляло удовольствие унижать его денежной зависимостью и тем, что она владела тайнами его порока. Верховский, скрипя зубами, терпел, мечтая, чтобы черт забрал ее в ад. Наконец, пресытившись развлечениями на родине, неукротимая княгиня отправилась на поиски приключений за границу, и

жизнь Евгения вошла в более спокойное русло. Он вновь воссоединился со своей воспитательницей, которая с прежним неутраченным пылом принялась обустроить жизнь своего дорогого мальчика. Так прошло пять лет.

Глава 9

После отъезда жениха Ковалевские еще некоторое время пребывали во взбудораженном состоянии. Разговоры с утра и до вечера крутились только об одном. Надя устала от всего этого и с тоской думала о грядущей свадьбе и грандиозной суете по этому случаю. Была бы ее воля, она бы вообще никого не приглашала и обошлась бы самой что ни на есть скромной церемонией в деревенской церквушке. Но Катерина Андреевна уже составила план торжеств, почти наметила список гостей, а главное, уже мысленно представила фасон подвенечного платья для дочери. Ей доставляло особое удовольствие размышлять на эту тему, представляя свою девочку трогательной и очаровательной невестой, плывущей в волнах вуали к алтарю под восхищенные взгляды присутствующих.

– А ведь как умна и ловка эта Ковалевская, так удачно выдать дочку, с такой-то внешностью. Но невеста сегодня хороша, как замечательно, со вкусом подобран фасон, какая изысканная прическа! Девушка, точно свежий персик. Сама чистота и невинность!

Вспоминала и свое венчание Катерина Андреевна, когда долго потом дамы света с огорчением обсуждали неземную красоту Ковалевской.

Надя понимала, что не может лишиться мать невинной радости этих мечтаний. Она смирилась и решила, что во имя родителей и их спокойствия перенесет эти неприятности. Впрочем, может, как и в истории с поцелуем, все получится не так плохо? Надя даже решила побороть в себе извечное нежелание приукрашивать свою внешность. Семья и будущий супруг желают видеть ее у алтаря красавицей. Что ж, она отдаст себя во власть какого угодно парикмахера, модистки, пусть опытной рукой исправят промахи всевышнего. Решив так, девушка перестала противиться судьбе и, казалось, совершенно успокоилась.

Между тем лето набирало свою силу. Семья решила до середины августа пожить за городом, а потом воротиться в петербургский дом и готовиться к торжествам.

Как-то раз Надежда вернулась домой с прогулки по ближайшим окрестностям и застала мать в величайшем раздражении. В комнатах витало недавнее присутствие постороннего человека.

– У нас были гости, мамочка? – спросила девушка, протягивая Ковалевской чудный букет полевых цветочков. – Посмотрите, какую прелесть я насобирала!

– Букет замечательный, а гостья не очень! – отвечала мать. – Ты, верно, ее совсем не помнишь, соседка наша здешняя, княжна Верховская. Да я и сама толком с ней не знакома, они почти и не жили в своем доме. Только последние несколько лет она тут обитает в совершенном одиночестве, мало с кем видится, говорят, хворает. А тут, поди ж ты, племянник ее объявился, повеса и мот. Так, чтобы он не скучал, она решила, что соседи составят молодому человеку светское общество и развлекут его.

– И что тут такого, пусть приезжает, – пожала плечами Надя.

– Я тоже так решила, но отец твой на меня заругался. Негоже, говорит, людей с такой репутацией в дом пускать! А я ему, с какой такой репутацией? И мало ли всякого в свете говорят! Да ежели и впрямь хотел бы отделаться от визита, так не поленился бы с дивана встать и к гостье выйти. Нет! Сослался на очередную хворь! – Катерина Андреевна совсем расстроилась, а Надя заулыбалась, слушая родительскую перепалку.

Василий Никанорович с возрастом утратил навык светского пустого времяпровождения и старался при случае всегда улизнуть, оставляя жену в одиночестве развлекать гостей. А к незванным или неприятным визитерам и вовсе не выходил.

Девушка пошла к себе и о завтрашнем визите соседей тотчас же забыла.

На следующий день Катерина Андреевна, обозленная на мужа, заявила, что если он по своему обыкновению не выйдет к гостям и заставит ее отдуваться в одиночестве, она мстительно поведет их гулять к гамаку, в котором хозяин дома обычно проводил это время суток. Ковалевский оценил угрозу и примирился со своей участью. Наконец гости прибыли. Надя, приготовившаяся, как и отец, отчаянно скучать, увидела перед собой непривлекательную малорослую особу непонятного возраста, но одетую с претензией на молодость. Выражение лица княжны Верховской, вероятно, изначально всегда оставалось кислым, но, по случаю, она изобразила нечто наподобие улыбки. Зато шедший следом за теткой князь невольно привлек внимание девушки. Наде показалось, будто полотно Ван Дейка ожило перед ее взором, то, на котором художник изобразил сам себя. Внутри ее стукнуло. Сердце? С чего бы это? Верховский по случаю визита облачился в светлый летний костюм, в руках у него была изящная соломенная шляпа, волосы легко вились, а глаза смотрели с печальной поволокой.

Катерина Андреевна, поздоровавшись с княжной, тоже с некоторым беспокойством взглянула на молодого человека. Если это порок, то как он прекрасен, говорил ее взор. И многоопытный гость, поклонившись, особым, только ему известным образом прикоснулся губами к руке хозяйки. Ковалевская вздрогнула, забытые вулканы опасно зашевелились внутри. Надя же отчего-то испугалась целования руки и ограничилась легким поклоном головы. Князь посмотрел на нее задумчиво и печально.

Визит тянулся долго и бестолково. Беседа скакала от темы к теме, а в общем, ни о чем. Так бывает всегда, когда собираются почти незнакомые люди и пытаются развлекаться разговорами. В основном трещала Татьяна Аркадьевна своим высоким, визгливым голосом, напоминавшим звуки, издаваемые некоторыми птицами. Свой рассказ она посвятила описанию жестокой, грубой и коварной жены, заманившей великодушного и легковверного Евгения в свои злодейские сети. Теперь же она мучает и тиранит его и ни за что не хочет отпускать на свободу. Сам же князь только грустно поддакивал и тоже явно скучал. Кому охота пересказывать собственные жизненные неудачи! Впрочем, хозяевам с трудом верилось в подлинность слезоточивой истории. Хотелось только одного, ее скорейшего завершения. В какой-то момент Ковалевская, воспользовавшись случайной паузой в бесконечной речи гостя, произнесла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.